

RU

Метафорический потенциал англоязычного военно-политического медиадискурса

Калашникова О. А., Самойлова А. В.

Аннотация. Цель исследования – описание структурных, лексико-семантических, функциональных и прагмаориентированных особенностей метафоры, а также ее значимости для формирования концептосферы англоязычного социума в области международных отношений военно-политического характера. В исследовании выделены основные виды метафоры, наиболее характерные для военно-политического дискурса. Функциональность метафоры доказывает целесообразность ее использования в качестве одного из основных способов формирования когнитивно-дискурсивных паттернов у реципиентов политического медиаконтента. Научной новизной исследования следует считать рассмотрение метафоры как феномена интердискурсивного взаимодействия и определяющего признака военно-политического медиадискурса. По результатам анализа 130 англоязычных медиатекстов был выделен ряд концептуальных положений, формирующих спектр содержательных признаков военно-политического медиаконтента, среди которых “Policy is a game or rivalry”, “Diplomacy is a domain to maneuver”, “Countries are actors or opponents”, “Opponents are inferior”, “War is versatile”, “Weapons are smart”. Их внедрение происходит в манипулятивных целях, увеличивая эмоционально-экспрессивную нагрузку и формируя оппозиционно-биполярную картину мира.

EN

The metaphorical potential of the English language military-political media discourse

O. A. Kalashnikova, A. V. Samoylova

Abstract. The purpose of the study is to describe the structural, lexico-semantic, functional and pragmatic features of the metaphor, as well as its significance for the formation of the conceptual sphere of the English speaking society in the field of international relations of a military-political nature. The study highlights the main types of metaphor that are most characteristic of military-political discourse. The functionality of the metaphor proves the expediency of its use as one of the main ways of forming cognitive-discursive patterns among recipients of political media content. The scientific novelty of the study should be considered the consideration of metaphor as a phenomenon of interdiscursive interaction and a defining feature of military-political media discourse. Based on the results of the analysis of 130 English language media texts, a number of conceptual provisions were identified that form the spectrum of meaningful features of military and political media content, including “Policy is a game or rivalry”, “Diplomacy is a domain to maneuver”, “Countries are actors or opponents”, “Opponents are inferior”, “War is versatile”, “Weapons are smart”. Their implementation takes place for manipulative purposes, increasing the emotional and expressive load and forming an oppositional bipolar picture of the world.

Введение

В условиях напряженной международной обстановки, усиления идеологического противостояния стран и разрывания военных конфликтов в разных регионах мира центральное место в зарубежных и отечественных СМИ отводится вопросам политики и военной безопасности. С учетом сказанного существенно возрастает роль военно-политического дискурса как важного средства коммуникативного воздействия на широкую аудиторию и способа формирования общественного сознания.

В данной статье был поставлен следующий ряд задач:

- 1) определить понятие военно-политического медиадискурса и его основные признаки;
- 2) рассмотреть метафору в качестве средства реализации прагматики военно-политического медиадискурса;

- 3) описать функциональный аспект употребления метафоры в текстах военно-политического жанра;
- 4) выявить характерные концептуальные положения англоязычного военно-политического медиадискурса, реализуемые посредством метафоры;
- 5) описать лингвистические средства воплощения метафоры.

Актуальность исследования обусловлена тенденцией современной лингвистики к междисциплинарному подходу и опорой на научные положения когнитивной теории языка, теории дискурса, в частности медиадискурса. В свете происходящих на международной арене событий рассмотрение метафоры как средства реализации персуазивности в военно-политическом медиатексте также является востребованным направлением лингвистических исследований.

С учетом комплексного характера исследования авторами применялись методы семантического или компонентного, контекстуального, коммуникативно-прагматического и дискурсивного видов анализа. Семантический метод использовался для разложения лексических единиц на элементарные составляющие значения с целью выявления компонента метафоризации. Контекстуальный метод позволил изучить контекст в качестве внеязыковой среды, в которой функционировали анализируемые метафоры, в то время как коммуникативно-прагматический и дискурсивный виды анализа дали возможность оценить создаваемые посредством метафоризации образы или фактически оказываемое ими воздействие на адресата. Помимо этого, методологическую основу исследования составил метод системного анализа, представляющий поэтапное комплексное рассмотрение метафорических лексических единиц от отдельных составляющих сем до оценки целостного прагматического потенциала, реализуемого в соответствующем контексте, а также общие эмпирические методы – метод сплошной выборки тематически-ориентированных единиц и методика количественных подсчетов.

Материалом для исследования послужили англоязычные тексты, посвященные вопросам международной политики и безопасности стран в условиях политического и военного противостояния, опубликованные в ведущих зарубежных изданиях:

- Air Force Times. <https://www.airforcetimes.com>;
- Defense News. <https://www.defensenews.com>;
- Foreign Affairs. <https://www.foreignaffairs.com>;
- Politico. <https://www.politico.com/>;
- The National Interest. <https://nationalinterest.org/>;
- The Washington Post. <https://www.washingtonpost.com/>.

Теоретическую базу исследования составили работы как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Сторонники традиционного, или лексикологического, подхода И. В. Арнольд (2017), И. Р. Гальперин (2016), Н. Д. Арутюнова (1990) рассматривают метафору как способ реализации языкового значения слова. Представители семантико-синтаксического подхода М. Блэк (1990), А. А. Ричардс (1990), считают, что метафорическое значение может ассоциироваться не только со значением слова, но и с синтаксическими особенностями словосочетаний и предложений.

Дальнейшее развитие идеи когнитивного подхода находит отражение в трудах отечественных лингвистов А. Н. Баранова (Баранов, Караулов, 1991), Ю. Н. Караулова (2010), Е. С. Кубряковой (2000), А. П. Чудинова (2006). Предметом научного интереса ученых становится изучение метафоры в дискурсе, учитывая национально-культурные, социальные факторы ее возникновения и функционирования, а также интенции автора. Последователи дискурсивного подхода В. И. Карасик (2004), Э. Н. Мишкурин (2020), М. В. Дрига (2022), К. А. Наумова (2021), З. З. Жумаева (2023), Н. Н. Цыцаркина (2018), О. А. Червякова (2024) рассматривают метафору в качестве средства речевого воздействия в массовой коммуникации.

В русле дискурсивного анализа проведен ряд современных исследований, посвященных изучению военной метафоры в текстах разной жанровой принадлежности. Описанию военной метафоры в современном политическом дискурсе посвящены работы Н. В. Федотовой (2019), С. Б. Кураш, А. М. Аматава, Г. В. Свищёва (2018), Л. Лифэнь, Х. Чжулиянь (2022); в газетно-публицистическом дискурсе – М. В. Ларионовой (2015); в бизнес-публицистическом дискурсе – Т. А. Перельгиной (2015); в научно-популярном дискурсе – А. А. Савченко (2023); в экономическом дискурсе – Ю. И. Клименовой (2010); в военном дискурсе – К. А. Дегтяренко (2018). Анализ военной метафоры в англоязычном медиатексте содержится в трудах Л. Б. Ивановой (2023), Т. Д. Магоматовой (2015), О. А. Червяковой (2024).

Среди трудов зарубежных ученых, занимавшихся изучением военной метафоры, следует выделить работы Дж. Лакоффа, М. Джонсона (2004), Э. Рауппа (Raupp, 2022).

Практическая значимость исследования заключается в получении системного представления о метафоре как о характерном признаке англоязычного военно-политического дискурса, заключающемся в целенаправленном воздействии на когнитивные способности восприятия картины мира широкой аудитории. Учитывая неразрывную связь международной политики с событиями военного характера, регулярно освещаемыми зарубежными СМИ, считаем, что подход к рассмотрению метафоры в интердискурсивном контексте открывает новые возможности в области медиакоммуникативистики, теории и практики межкультурной коммуникации. Предметный анализ функциональных, структурных и языковых признаков метафоры военно-политического дискурса способствует более точному пониманию ее природы через призму стилистики, теории и практики перевода.

Помимо этого, материалы исследования могут быть использованы для разработки дидактических средств по специализированным дисциплинам, в частности, военному переводу. Совершенствование методики формирования профессионально-коммуникативной компетенции военных переводчиков осуществимо посредством

разработки системы лексических упражнений, обучающих устному и письменному переводу военно-публицистических текстов, которым присущ метафорический потенциал.

Обсуждение и результаты

Как следует из анализа научных работ, выполненных в русле дискурсивной теории, наряду с существованием таких понятий, как «политический дискурс» и «военный дискурс» в современных исследованиях все чаще используется термин «военно-политический дискурс». Сторонники теории военно-политического дискурса по-разному трактуют это понятие. А. В. Олянич определяет его как «разновидность массового информационного дискурса» (2003, с. 121); Н. Е. Назарова описывает его как «политический дискурс о войне... характеризующийся определенным набором отличительных черт и особенными характеристиками, присущими военно-политической сфере» (2021, с. 114). С точки зрения К. А. Наумовой, военно-политический дискурс, «являясь гибридным по своей природе, совмещает в себе специфику военного и политического видов дискурса и служит целям инициализации и информационного сопровождения военных действий со стороны государства и связанных с ним структур» (2021, с. 28). Развернутое определение военно-политического дискурса дает Э. Н. Мишуров, под которым он понимает «риторическое, институциональное гибридное, поливекторное образование, охватывающее военно-доктринальное, военно-политическое (в том числе и военно-дипломатическое), военно-публицистическое (информационно-пропагандистское), военно-коммерческое, военно-рекламное, военно-образовательное и военно-воспитательное коммуникативное пространство на всех уровнях военно-государственной структуры, оптимально обеспечивающей международную (межгосударственную) и внутригосударственную жизнедеятельность страны» (2020, с. 89).

Несмотря на расхождения в определении понятия военно-политического дискурса, авторы едины в описании его признаков, к которым они относят «интегративный и институциональный характер, идеологическую направленность, актуализацию посредством СМИ, связь с медиадискурсом, коммуникативные стратегии воздействия на читателей, специфические языковые особенности и жанровое своеобразие» (Калашникова, Самойлова, 2023, с. 184).

В проводимом нами исследовании считаем возможным опираться на определение военно-политического дискурса в трактовке М. В. Дриги как «разновидности мультимедийного дискурса... включающего материалы, опубликованные в журналах, газетах, интернет-источниках на военно-политическую тематику, использующие военную и политическую терминологию, а также эвфемистические замены с целью оправдания политических и военных действий и оказания влияния на широкую публику» (2022, с. 43). Более широкое толкование данного определения в контексте работы предполагает учет следующих положений:

1. Военно-политический дискурс представляет коммуникативную деятельность, осуществляемую преимущественно между государственными институтами власти и массовой аудиторией посредством СМИ в манипулятивных целях.
2. Военно-политический дискурс вербализуется в виде новостных медиатекстов и информационно-аналитических статей по актуальным проблемам международной военно-политической жизни.
3. Концептосфера военно-политического дискурса детерминирована целями и установками политических институтов и оказывает когнитивное воздействие на общественное мнение.
4. Регуляция процессов восприятия и понимания аудитории осуществляется посредством использования манипулятивных речевых стратегий и эмоционально-оценочных языковых средств.
5. Одним из признаков военно-политического дискурса и важным средством лингвокогнитивного воздействия на реципиентов является метафора.

С точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода, метафора рассматривается как способ смыслообразования, способ интерпретации и структурирования окружающей действительности, с помощью которого передается не только реальная информация, но и собственное отношение автора к действительности. Разделяя мнение М. В. Ларионовой о том, что «метафора функционирует не только и не столько как троп... а как способ моделирования действительности адресантом, транслирующий адресату определенное видение мира и задающий его интерпретацию» (2015, с. 122), опишем функции метафоры с учетом содержательных особенностей концептосферы современного англоязычного военно-политического дискурса. В результате контент-анализа более 130 медиатекстов по теме международных отношений и военном противостоянии стран, представленных в интернет-изданиях "Foreign Affairs", "The National Interest", "Politico", "The Washington Post", "Defense News", удалось выделить наиболее характерные с точки зрения описываемой проблематики концептуальные положения, которые следует рассматривать в качестве содержательных признаков военно-политического дискурса:

1. Policy is a game or rivalry. / Политика – это игра или соперничество.
2. Diplomacy is a domain to maneuver. / Дипломатия – искусство для маневра.
3. Countries are actors or opponents. / Страны – это актеры или оппоненты.
4. Opponents are inferior. / Превосходство над оппонентами.
5. War is versatile. / Война многогранна.
6. Weapons are smart. / Высокотехнологичное оружие.

Рассмотрим примеры использования метафорической лексики для выражения перечисленных концептуальных положений.

В аналитических статьях по тематике современной международной политики часто употребляются лексемы: *a rivalry, a game, a gamble*. Так, отношения западных стран и стран Большого Юга описываются фразами *current geostrategic rivalry* – современное геостратегическое соперничество, *unconstrained rivalry* – соперничество без правил; перспективы развития отношений между странами характеризуются как *a gamble on an elusive compromise* – ставка на несбыточный компромисс; политические действия государств выражаются глагольными фразами с метафорическим значением *to play a long game* – играть в долгую, з.д.: последовательно проводить свою политику; *to up its Africa game significantly* – значительно активизировать свою политику в Африке (здесь и далее перевод авторов. – О. К., А. С.) и т. д. Лексические средства представления военно-политического взаимодействия в виде соперничества, театральной или азартной игры отражают официальную позицию американских политических институтов в сфере международных отношений. Транслируемая СМИ, такая позиция создает у массовой аудитории предубежденное представление о модели международных отношений, основанной на непредсказуемости, противоборстве за лидерство и конфронтации.

Наряду с использованием метафоры для описания политических действий, отмечается активное употребление метафорической лексики в дискурсивной области дипломатического взаимодействия. В качестве иллюстрации концептуального положения *Diplomacy is a domain to maneuver* могут служить примеры, характеризующие дипломатические действия разных стран: Северной и Южной Кореи – *create a window for the two countries to stabilize their relationship* – создавать возможность для двух стран восстановить отношения; США – *rush into diplomacy with Beijing* – спешно налаживать дипломатические отношения с Пекином, *focus on winning hearts and minds* – сосредоточивать внимание на завоевании умов и сердец; Израиля – *step up from the brink* – отступить от края пропасти. Дипломатический стиль стран-оппонентов может выражаться как отдельными лексическими единицами, например, *skullduggery* – мошенничество, обман, так и оценочными фразами, например, *carrot-and-stick diplomacy* – дипломатия кнута и пряника, *small-stick diplomacy* – политика малой дубинки, *China's "smile diplomacy"* – лукавая дипломатия Китая, *aggressive "wolf warrior" diplomacy* – агрессивная конфронтационная дипломатия, *a bear hug diplomacy* – политика медвежьей хватки, *helter-skelter policies* – бессистемный политический курс.

Концептуальное положение *Countries are actors or opponents* в основном деметафоризировано. В контексте рассмотрения международной политики как сферы противоборства участвующие в нем государства называются *rival superpowers* – конкурирующие сверхдержавы, *global competitors* – соперники на международной арене, *hard-line opponents* – бескомпромиссные оппоненты, *state and non-state actors* – субъекты и негосударственные субъекты международного права. При этом в аналитических статьях также могут употребляться обезличенные метафоры для обозначения стран, разделяющих единую идеологию, например, *global majority* – мировое большинство, *the "Arab Quint"* – пятерка арабских стран, а также метафоры с негативной коннотацией для обозначения отдельных стран, например, Иран называется *chief patron of terrorists* – главный покровитель террористов, Турция – *a rough state* – страна-изгой, Россия характеризуется как *a shadow of the Soviet threat* – тень советской угрозы, *a war machine* – военная машина, а дружественные страны Россия, Китай и Иран представляются как *axis of evil* – ось зла.

Концептуальное положение *Opponents are inferior* связано с описанием государств, не разделяющих идеологию западных стран, а также, частично, и своих союзников. В качестве языковых средств его выражения избирается метафорическая лексика с негативной коннотацией, например: Израиль характеризуется как *a country that would be wiped from the pages of history* – страна, которая будет стерта со страниц истории, Белоруссия – *puppet state* – марионеточное государство. В обзорно-аналитических статьях "The National Interest", посвященных истории российско-американских отношений, вместо бывшего названия Советского Союза авторы используют обобщающую метафору *the Reds* – красные или образную метафору с имплицитно выраженным контекстом *a Potemkin force* – Потемкинская деревня. Негативно окрашенная лексика также используется для номинации лидеров держав, проводящих самостоятельную политику, например: *hawks* – ястребы, *hard-liners* – сторонники жесткой политики, *gray-zone aggressors* – агрессоры зоны неопределенности, *unsavory bedfellows* – неблагонадежные союзники и т. д.

В условиях политической и военной напряженности в мире на первый план медийных публикаций также выходит описание разнообразных форм противодействия между странами-антагонистами, что дает основание рассматривать тезис *War is versatile* в качестве одного из основных признаков военно-политического медиадискурса. Помимо устоявшихся выражений *lightning war* или *blitzkrieg* – молниеносная война, *the Cold war* – холодная война, в медийном пространстве часто используются фразы *a proxy war* – война чужими руками, *hybrid warfare* – гибридная война, *a war of attrition* – война на истощение, *longer war of exhaustion* – война на измывание, *all-out war* – крупномасштабная война, *a frozen conflict* – замороженный конфликт.

Описание военного противостояния часто сопряжено с указанием используемых видов вооружения, для номинации и характеристики которых широко используются метафорические языковые средства, лежащие в основе концептуального положения *Weapons are smart*. С помощью определенной лексики, основанной на сходстве некоторых признаков, зафиксированных в языке, и конкретного вида военной техники или вооружения, целенаправленно формируется положительное или негативное восприятие реципиента о боевых возможностях их применения. Так, широко распространенным способом номинации авиационной техники стран НАТО являются лексемы, обозначающие типы военных самолетов и БПЛА по:

- сходству формы и летных качеств птиц – *F-16 Fighting Falcon, F-15 E Strike Eagle, UH-60 Blackhawk, Global Hawk*;
- по признакам животных – *F-22 Raptor, Mq-1 Predator*;
- по функциональным возможностям – *B-52H Stratofortress, C-130 Hercules, MD-500 Defender*.

Наряду с номинативной функцией в описании авиационной техники неоднократно используются метафоры, создающие образное представление о ней. Так, понятию *combat aircraft* могут соответствовать такие лексические замены, как *warbird* – *военный самолет*, *working horse* – *рабочая лошадь*, *game changer* – *фактор перелома ситуации*.

Метафорические средства номинации также отмечаются в обозначении авиационных ракет *SCALP*, *Storm Shadow*, *QUICKSINK* и систем *MIM-104 Patriot*, *M1097 Avenger*, *LGM-35 Sentinel*.

Путем рассмотрения военно-политического медиадискурса как коммуникативного процесса, осуществляемого СМИ между массовой аудиторией и структурами власти, становится возможным определить функциональную роль метафоры как важного вербально-когнитивного признака данного типа дискурса. Анализ научных подходов к описанию функций метафоры позволяет выделить несколько классификаций, предлагаемых учеными с разных позиций.

В. Г. Гак (1988, с. 25) рассматривает функции метафоры как единицы языковой системы и средства номинации в речи и различных функциональных стилях. Н. Д. Арутюнова (1990), опираясь на функциональный подход, выделяет номинативную, образную, когнитивную и генерализующую метафоры. Ю. И. Клименова (2010), анализируя экономический медиадискурс, выделяет 4 типа метафоры: системную, когнитивную, коммуникативную, прагматическую. М. В. Ларионова (2015) в результате анализа публицистического дискурса классифицирует метафоры как идентифицирующую, оценочную, когнитивную, риторическую и обобщающую.

Опираясь на результаты контент-анализа медиатекстов и лексического материала, нами выделены следующие функции метафоры в военно-политическом дискурсе: номинативная, информативная, смыслообразующая, экспрессивно-оценочная, регулятивная.

Номинативная функция метафоры заключается в переносе значения слова как самостоятельной языковой единицы с целью обозначения других понятий, включая виды вооружения и техники: *LGM-35 Sentinel missile system* – *ракетный комплекс LGM-35 «Сентинел»* (*sentinel* – *наблюдатель, часовой*), названия военных учений и военно-политических событий: *Sreadfast Defender* – *Непоколебимый защитник*, *the spirit of D-Day* – *атмосфера дня высадки союзных войск в Европе*, роль политических деятелей: *Mr. Trump's shadow over the events* – *влияние г-на Трампа на события* и т. д.

Информативная функция метафоры наиболее эксплицитно представлена в заголовках материалов электронных СМИ, по которым можно получить представление о содержании текстов в целом:

- *Iran is Creeping into the International Arms Market* (The National Interest). / *Иран постепенно выходит на международный рынок оружия*;
- *China vs. America: The Geopolitical Olympics* (The National Interest). / *Китай против Америки: геополитическая олимпиада*;
- *Welcome to Mar-a-NATO: European leaders tailor their message to Trump* (Politico). / *Добро пожаловать в Маралаго-НАТО: европейские лидеры подготавливают свое послание Трампу*.

Смыслообразующая функция метафоры выражается в ее способности концептуализировать восприятие информации путем создания образного представления о предмете описания с помощью разнообразных лексических средств, включая свободные словосочетания: *an "America First" world* (The National Interest) – *мир под лозунгом «Америка прежде всего»*, фразеологизмы: *a loose cannon* (Politico) – *непредсказуемый человек*, неологизмы: *Trumpmentum* (The National Interest) – *время Трампа*.

Экспрессивно-оценочная функция метафоры связана с отношением автора к описываемым военно-политическим событиям, политике стран мира, оценкой международных отношений, средств и способов ведения военных действий и т. д.: *Beijing's long-standing appetite to absorb Taiwan* – *многолетнее стремление Пекина захватить Тайвань*, *Tehran's "ring of fire" strategy* – *стратегия «огненного кольца» Тегерана*, *behind-the-scenes negotiations* – *закулисные переговоры*, *high-end combatant ships* – *высокотехнологичные боевые корабли*, *hit-and-run tactics* – *тактика нанесения коротких ударов*.

Регулятивная функция проявляется в воздействии на восприятие посредством преднамеренного использования экспрессивной положительно или негативно окрашенной лексики в качестве метафорического приема описания. Реализация данной функции позволяет создавать у читателей субъективно завышенное или, наоборот, ложное представление о роли стран, их военном потенциале, политических лидерах и т. д.: *(the US) outpaced the Reds technologically and economically* – *(США) опередили «красных» в технологии и экономике*; *(Russia) is a chronic threat to the peace and security of Europe* – *(Россия) представляет постоянную угрозу миру и безопасности в Европе* (The National Interest).

Наиболее отчетливо регулятивную функцию метафоры можно проиллюстрировать примерами описания вооружения в электронном журнале "National Interest": *Many of the weapon designs that the Russians, and much of their equipment in use today, are holdovers from the later Soviet days*. / *Многие образцы оружия и большая часть оборудования, которые русские используют сегодня, являются наследием прошлого*.

Современные виды российского вооружения часто описываются с негативной коннотацией: танк Т-64 характеризуется как *ancient tank* – *древний танк*; бомбардировщик ТУ-22 – *a flying coffin* – *летающий гроб*, истребитель Су-35 – *fighter nightmare* – *наводящий ужас истребитель*.

Опираясь на результаты функционального анализа и классификацию метафоры в трактовке Н. Д. Арутюновой (1990), считаем, что в военно-политическом дискурсе основными видами метафоры являются:

1. Номинативная метафора

The F-22 Raptor remains the tip of the spear of American air power in the Indo-Pacific (The National Interest). / *F-22 «Раптор» остается основой американской авиации в Индо-Тихоокеанском регионе*.

The modern combat aircraft F-16 is seen as a key to further air defense against Russia (Foreign Affairs Magazine). / Современный боевой самолет F-16 рассматривается в качестве основы расширенной воздушной обороны от России.

2. Образная метафора

It's an election year, and foreign policy in the Middle East could be his (Biden's) Achilles' heel (The National Interest). / Это год выборов и внешняя политика на Ближнем Востоке может быть его Ахиллесовой пятой.

That historic event seemed to promise an international environment in which the risk of war and geopolitical conflict was lower – a Pax Americana (Politico). / Казалось, что это историческое событие обещало международную обстановку, при которой риск войны и геополитического конфликта снижен – однополярный мир по-американски.

3. Когнитивная метафора

The terrorism warning lights are blinking red again (Foreign Affairs). / Признаки терроризма снова напоминают о себе.

Orbán met on Monday with Chinese President Xi Jinping in Beijing, a trip he describes as the third leg of a "peace mission" (The Washington Post). / В понедельник в Пекине Орбан встретился с китайским лидером Си Цзиньпином; эту поездку он охарактеризовал как третью попытку «миротворческой миссии».

4. Генерализующая метафора

He had campaigned on the slogan "America is back" and promised that the country would once again "sit at the head of the table" (Foreign Affairs Magazine). / Он [Байден] провел кампанию под лозунгом «Вернем Америку» и пообещал, что его страна снова станет мировым лидером.

There was a time when the idea of a joint European-built aircraft was little more than a pipe dream (The National Interest). / Было время, когда идея создания совместного европейского самолета была не чем иным, как голубой мечтой.

5. Кваликативная метафора

In the language of foreign policy observers, national security questions, such as regulating weapons of mass destruction, are matters of "high politics," whereas other issues, such as human rights, are "low politics" (Foreign Affairs Magazine). / На языке обозревателей внешней политики вопросы национальной безопасности такие, как контроль за оружием массового уничтожения, относятся к «большой политике», в то время как другие, например, вопросы о правах человека, – относятся к «малой политике».

6. Персуазивная метафора

Great-power DNA is still very much in the American genome (Foreign Affairs Magazine). / Гены великой державы все еще преобладают в американском обществе.

Результаты анализа лексического материала показывают, что метафора в военно-политическом дискурсе может быть выражена различными языковыми средствами, включая:

1. Существительные. Среди всего многообразия имен существительных, имеющих потенциальную способность к метафоризации, стоит выделить две основные группы:

- неологизмы:

One recent Trump ad features Ms. Harris saying the word "Bidenomics" no less than three times in 30 second (The Washington Post). / Один из недавних рекламных роликов Трампа показывает, как 2-жа Харрис произносит слово «Байденомика» не меньше трех раз за 30 секунд;

- термины:

Beijing's asymmetric response emphasizes "non-alignment" and a commitment to helping countries protect their sovereignty, avoiding alignment with major power blocs or external dictates (Politico). / Ассиметричный ответ Китая означает «политику неприсоединения» и обязательство помогать странам в защите их суверенитета, исключая присоединение к блокам великих держав или советы извне.

Метафора, выраженная именем существительным, может быть использована:

- в номинативной функции:

Any forced cessation of hostilities would be a chimera (The Washington Post). / Любое насильственное прекращение военных действий было бы химерой;

- в предикативной функции:

F-16 jets have been a top political priority for Zelensky, as the modern combat aircraft is seen as a key to further air defense against Russia (Foreign Affairs Magazine). / Самолеты F-16 являются самым главным политическим приоритетом для Зеленского, так как этот современный военный самолет считают основой укрепления воздушной обороны от России.

2. Глаголы:

During a May 15 press conference in Kyiv, Blinken stressed that the United States was "rushing" an array of weapons to help Ukraine (Politico). / На пресс-конференции 15 мая в Киеве Блинкен подчеркнул, что США спешно направляют различное оружие для помощи Украине;

- фразовые глаголы:

Zelensky's frustration appeared to boil over in Singapore (Foreign Affairs Magazine). / Казалось, что в Сингапуре разочарование Зеленского вышло из-под контроля;

- фразеологические глагольные словосочетания:

Biden is putting the heat on Netanyahu (Politico). / Байден оказывает давление на Нетаньяху.

3. Адъективные словосочетания:

The sky over the [Ukraine] battlefield is now teeming with fast-flying FPVs hunting much larger prey (Air Force Times). / Небо в районе боевых действий на Украине заполнено быстролетающими FPV-дронами, отыскивающими более крупные цели.

4. Идиомы:

The new Four Horsemen of the Apocalypse – populism, nativism, isolationism, and protectionism – tend to ride together, and they are challenging the political center (Foreign Affairs Magazine). / *Четыре новые всадника Апокалипсиса – популизм, шовинизм, изоляционизм и протекционизм – обычно сопутствуют друг другу, представляя вызов для политического центра.*

Таким образом, рассмотрение концептуальных положений, на которых базируется современный военно-политический дискурс, вкуче с обширным функционалом и разнообразием типов метафорической лексики, дает целостное представление об эффективности использования метафоры в качестве средства лингвистического воздействия.

Заключение

По итогам проведенного исследования сделаны следующие выводы:

1. Военно-политический медиадискурс представляет собой феномен интердискурсивного взаимодействия, характеризующийся определенной концептосферой и формируемый специфическими языковыми средствами, одним из которых является метафора.

2. Концептосфера военно-политического дискурса базируется на концептуальных положениях “Policy is a game or rivalry”, “Diplomacy is a domain to maneuver”, “Countries are actors or opponents”, “Opponents are inferior”, “War is versatile”, “Weapons are smart”, которые трактуются в качестве содержательных признаков данного вида дискурса.

3. Метафора является важным средством лингвокогнитивного воздействия на реципиентов за счет ее полифункционального характера. Основными функциями метафоры в военно-политическом медиадискурсе являются: номинативная, информационная, смыслообразующая, экспрессивно-оценочная и регулятивная.

4. В военно-политическом дискурсе основными видами метафоры являются: номинативная, образная, когнитивная, генерализующая, квалификативная и персуазивная.

5. Языковые средства выражения метафоры включают существенные (неологизмы и термины), глаголы (фразовые глаголы и фразеологические глагольные словосочетания), адъективные словосочетания и идиомы.

В качестве перспективного направления предлагается рассмотрение военно-политической метафоры в лингвокультурном ключе – в качестве средства формирования национально-культурного сознания в дискурсивной практике политической медиакommunikации.

Источники | References

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: Флинта; Наука, 2017.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990.
3. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: Институт русского языка АН СССР, 1991.
4. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сборник / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990.
5. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988.
6. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. Опыт систематизации выразительных средств. М.: ЛИБРОКОМ, 2016.
7. Дегтяренко К. А. Функционирование метафоры в военном дискурсе и способы ее перевода на русский язык (на материале англоязычных периодических изданий) // Научный диалог. 2018. № 5.
8. Дрига М. В. Конститутивные признаки военно-политического дискурса // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2022. № 1.
9. Жумаева З. З. Специфика военных метафор в газетном дискурсе // International Conference on Teaching, Education and new Learning Technologies. 2023. № 1 (1).
10. Иванова Л. Б. Военная метафора в современном англоязычном медиатексте // Языковая компетентность: методические аспекты практико-ориентированного образования: сб. науч. тр. Могилев: Могилевский институт МВД, 2023.
11. Калашникова О. А., Самойлова А. В. Особенности фразеологической лексики англоязычного военно-политического дискурса // Филология и человек. 2023. № 4.
12. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004.
13. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2010.
14. Клименова Ю. И. Онтология метафоры в англоязычном экономическом медиадискурсе: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2010.
15. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000.

16. Кураш С. Б., Аматав А. М., Свищёв Г. В. Военная метафора в политическом дискурсе: тактика и стратегия // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 2.
17. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
18. Ларионова М. В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции? М.: МГИМО-Университет, 2015.
19. Лифэнь Л., Чжунлянь Х. Анализ концептуальной метафоры «война» в политическом дискурсе (на примере «Послания Президента РФ Федеральному собранию» 2021 г.) // Политическая лингвистика. 2022. № 1 (91).
20. Магомадова Т. Д. Военная метафора в современном английском, немецком и русском медиадискурсе: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2015.
21. Мишкурин Э. Н. Современный военно-политический дискурс: номинация, функции, девиация языка, транслят // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2020. № 2.
22. Назарова Н. Е. К определению понятия военно-политического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 7 (849).
23. Наумова К. А. Специфика гибридных видов дискурса (на примере военно-политического и военно-публицистического дискурсов): автореф. дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2021.
24. Олянич А. В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2003. № 3.
25. Перельгина Т. А. Концептуальная военная метафора в современном англоязычном бизнес-публицистическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22.
26. Ричардс А. А. Философия риторики // Теория метафоры: сборник / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990.
27. Савченко А. А. Милитарная метафора в англоязычном научно-популярном дискурсе по кибербезопасности: семантический, когнитивный, прагматический аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 9.
28. Федотова Н. В. Функционирование военной метафоры в современном политическом дискурсе // Русская речь. 2019. № 4.
29. Цыцаркина Н. Н. Информационная война и лингвокогнитивное моделирование вооруженного конфликта в политическом медиадискурсе // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 1 (48).
30. Червякова О. А. Дискурсивные средства воздействия в медийных текстах военно-политической тематики (на материале испанского языка): дисс. ... к. филол. н. М., 2024.
31. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, 2006.
32. Raupp E. R. Military Metaphors: Inappropriate Lessons from the Language of Violence // International Journal of Social Science and Education Research Studies. 2022. Vol. 2. Iss. 2.

Информация об авторах | Author information

RU**Калашникова Ольга Анатольевна¹**, к. пед. н., доц.**Самойлова Антонина Вадимовна²**, к. филол. н.¹ Краснодарское высшее военное училище летчиков им. Серова² Кубанский государственный университет, г. Краснодар**EN****Olga Anatolievna Kalashnikova¹**, PhD**Antonina Vadimovna Samoylova²**, PhD¹ Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots² Kuban State University, Krasnodar¹ olga.eng@inbox.ru, ² antina@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.10.2024; опубликовано online (published online): 26.11.2024.

Ключевые слова (keywords): метафора; медиадискурс; военно-политический дискурс; концептосфера; манипулятивное воздействие; metaphor; media discourse; military-political discourse; conceptual framework; manipulative impact.